

РЫЦАРИ В СИНИХ ПОГОНАХ

Советский детектив

Валерий ШАРАПОВ

Церкве
ГРЕХИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Чужие грехи / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-216082-0

Конец семидесятых годов. В крупном сибирском городе одно за другим происходят жестокие убийства четырех молодых женщин. Внешние признаки преступлений очень схожи: все жертвы связаны одинаковыми полотенцами, все убиты ударами тяжелым предметом по голове. Оперативники во главе с капитаном милиции Алексеем Разиным предполагают, что это явно дело рук серийного убийцы. Для советской действительности явление неслыханное! На поиски маньяка брошены все силы. Сыщики работают без сна и отдыха. Но все тщетно... Так продолжается до тех пор, пока Разин не обращает внимание на один необычный факт, который много лет назад связал судьбы тогдашних студентов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-216082-0

ГЛАВА ПЕРВАЯ

По экстренному вызову на Станиславский жил-массив прибыл патрульный наряд. Подкатили оперативники уголовного розыска Ленинского РОВД, прибежал участковый. Вышла накладка, среагировали все, кто находился в квадрате.

Женщина кричала в трубку: «Убивают, убивают!» На просьбу хоть как-то конкретизировать ситуацию, прояснила: убивают не ее. В квартире этажом выше семейная ссора переросла в кровавую бойню.

Из выкриков явствовало: благоверная изменила мужу — мастеру литейного цеха с завода Кузьмина. Свою вину несчастная не отрицала, умоляла простить. Ее стенания слышал весь подъезд. Муж пришел с работы на час раньше, выпил для поднятия боевого духа и...

Когда микроавтобус «РАФ» влетел во двор пятиэтажки, патрульные на «уазике» уже находились там, только прибыли. Опергруппа возвращалась с задания, перехватила сигнал, находясь на соседней улице. Теплый вечер пятницы, конец рабочей

недели... Начало лета выдалось жарким, милиция давно перешла на летнюю форму — синие служебные рубашки, серые брюки, фуражки с кокардами.

Патрульные высадились из машины, задрали головы. В курсе был весь район, окно на четвертом этаже нараспашку, фальцетом голосила женщина, что-то с треском рухнуло — как бы не шкаф. Под кустами переговаривались зрители — жильцы окрестных домов.

— Уголовный розыск! — крикнул капитан Разин — осанистый 33-летний блондин с серыми глазами. Милиционеры не возражали, даже приободрились. — Оставайтесь здесь! — распорядился Алексей. — Выяснить, выходят ли окна на другую сторону дома. Если да, отправить туда человека. Островой, Шабанов, за мной!

Избиение продолжалось — донесся резкий крик.

Втроем они вошли в подъезд, взлетели на четвертый этаж. Под дверь 25-й квартиры, обитой дерматином, мялся молоденький лейтенант, видимо, участковый. Он тискал картонную папку, не зная, что делать. Вскинул руку, чтобы ударить в дверь, застыл, обернувшись на шум.

— Уголовный розыск, — представился Алексей. — Капитан Разин. Что тут у нас?

Лейтенант облегченно выдохнул, уступил место у двери.

— Лейтенант Носков... — он немного заикался, — участковым работаю, товарищ капитан, третий месяц всего, с контингентом плохо знаком...

Соседи телефон оборвали... Полчаса уже эта пытка продолжается...

— Неблагополучная семья?

— Нормальная семья. Была, вернее... Визгун их фамилия, — участковый машинально глянул в папку, смутился. — Мужу и жене под сорок, есть ребенок шести лет. Мужик мастером на Кузьмина трудится, супруга — в отделе технического контроля на «бетонке»... Вчера еще начали... без рукоприкладства, но орали сильно — соседка из той квартиры, — Носков кивнул на дверь с табличкой «27», — участкового вызвала...

— Тебя, стало быть, — уточнил Разин.

— Так точно, — сквозь бледность на щеках проступил румянец. — Пришел, провел разъяснительную работу, объяснил гражданам правила социалистического общежития... Кто же знал, товарищ капитан? — казалось, участковый сейчас расплачется. — Мужик угрюмый был, но вел себя смиренно, только косился не очень приветливо. Кто же знал? — повторил участковый. — Не дебошир — член партии, хорошие характеристики с работы, вроде охоту любит... Супруга тоже присутствовала, ребенка в комнату увела, а потом вернулась. Тихая такая, запуганная. Выгораживала мужа, мол, бывает, поругались, дело житейское. Соседка потом на лестнице поймала, давай информировать: дескать, баба с кем-то спуталась. Визгун узнал, взбесился, сам не свой стал — орал, матерился, ногами топал. Но руки вроде не распускал...

За дверью что-то ухнуло, посыпались удары. Густо матерился глава семьи. Визжал ребенок, визжала женщина. Носков опомнился, забарабанил кулаком в дверь — теперь не страшно.

— Откройте, милиция! — Голос юного лейтенанта сорвался на фальцет. — Немедленно прекратите противоправные действия!

Из-за двери ответили — куда идти и что там делать. Лейтенант вспыхнул, отпрянул от двери, словно в лоб получил, беспомощно уставился на капитана уголовного розыска.

— Детский сад в натуре... — процедил сквозь зубы старший лейтенант Денис Шабанов, живое воплощение анекдота про хулигана Васю, который за драку загремел в милицию, где и проработал до самой пенсии. — Подвинься, лейтенант. Чего вертишься, как спутник?

Он оттер участкового, примерился к двери.

В текущем году в Москве было создано первое в стране специальное подразделение в составе МВД для выполнения особых миссий: захвата опасных уголовников, вооруженных криминальных групп, прочих ответственных мероприятий, требующих участия подготовленных специалистов. В некотором роде эксперимент. В прочих городах и поселках таких подразделений не было — выкручивались сами.

Шабанов хищно оскалился, напрягся и вдруг застыл: из недр квартиры донесся душераздирающий крик — попутно с трескучими ударами. Словно ру-

били мясную тушу. Стало нехорошо, комок подкатил к горлу. Попятился Носков.

— Что же он творит, упырь? — пробормотал, бледнея, Мишка Островой — статный русоволосый парень с открытым лицом.

Крик продолжался долго — менялись только громкость и интонации. Потом оборвался, перешел в хрип. Шабанов ударил плечом — дверь держалась. Повернулся спиной, двинул пяткой. Хрустнуло в замке.

— Охотой, говоришь, увлекается? — встрепетнулся Алексей. — Денис, давай осторожнее...

— Да ладно, командир, — Шабанов ощерился, — не Нельсона Манделу освобождаем... — но все же сместился к стене — мало ли что.

За дверью взревел бык — и в тот же миг грохнул выстрел, долбанул по ушам! Стреляли из охотничьего ружья, причем неслабого. В двери образовалось рваное отверстие размером с кулак. Такое же — в двери напротив, с табличкой «27». Там испуганно завизжали, зашлепали тапки — любопытной Варваре чуть нос не оторвали!

Капитан присел от неожиданности. Ахнул Носков, пуля прошла практически рядом. Мишка Островой скатился по ступеням, сел на корточки, схватившись за перила. С этим все ясно: умирать нам рановато, жизнь на старте, красавица жена, ребенка надо на ноги поднимать, который через пару месяцев родится...

Прогремел второй выстрел — с меньшими разрушениями. Меткий стрелок угодил в косяк. Тре-

бовалось время для перезарядки охотничьей двустволки.

— Ах ты, падла... — расвирепевший Шабанов всей своей массой ударил в дверь.

Ослабевшая конструкция развалилась, вылетел замок вместе с шурупам и отгрызками дерева. Шабанов первым ворвался в квартиру, за ним Разин. Пистолет Макарова покинул «сбрую», рукоятка привычно поместилась в руке. Квартиросъемщик грязно выражался, перезаряжал ружье. Крепкий бор в тельняшке, волосатая грудь, кривые ноги торчали из-под семейных трусов. В целом мужик как мужик, но только не сегодня... По квартире стелился пороховой дым, смешанный с запахом алкоголя, сверкали воспаленные глаза. Этот тип еще не понял, что натворил. Взревел, как носорог, отбросил ружье, сообразив, что не успеет зарядить.

Оружие пока не применяли — по инструкции можно, но замаешься писать объяснительные и проходить проверки.

Шабанов набросился на мужика, чтобы скрутить, но получил отпор, отлетел обратно. Дениска тоже не стеснялся в выражениях, но в данную минуту это не было подспорьем. Пистолет, направленный в грудь, преступник проигнорировал, бросился в дальнюю комнату, кажется, распахнул балконную дверь.

— Взять его!

Пробегая мимо супружеской спальни, обитой выцветшими обоями, Алексей не удержался, за-

глянул внутрь. И стал, оторопевший, волосы зашевелились. Вся комната была забрызгана кровью. Кровь была везде — на стенах, на потолке, на выцветшем коврикe под кроватью. В углу под батареей сидела маленькая девочка с забавными косичками, прижимала к глазам ладошки, чтобы не видеть этот ужас. Взбесившийся Визгун ее не тронул!

Машинально отложилось в голове: сегодня 1 июня, Международный день защиты детей. В луже крови лежала женщина в домашнем халате, судорожно подрагивала, блуждали глаза. «Добрый» муж отсек ей руку выше запястья! Топорик, выкованный из цельного куска металла, валялся рядом с отрубленной конечностью. Над второй рукой он тоже потрудился, но не довел дело до конца. Рука держалась на сухожилиях и лоскутах кожи. Вот тебе и хваленый быт в дружной ячейке общества... Нехарактерное явление для советской страны! Так, кое-где, в качестве исключения из правил... Кровь вытекала из отсеченных конечностей, расплзалась по коврику, по крашеным половицам. Предательская тошнота уже подступила, Алексей попятился в коридор.

— Носков, срочно «Скорую»! — взревел он. Где этот чертов участковый? Застенчиво мнетса на пороге? — И наложить жгуты потерпевшей!

Капитан бросился в дальнюю комнату. Какие же демоны таятся в глубинах человеческой души! Дура набитая эта баба — разводиться надо было, а не гулять на стороне!

Участковый Носков, похоже, добрался до пострадавшей — парня вырвало.

— Алексей Егорович, он с балкона сиганул! — с какой-то обидой выкрикнул Островой.

Ну что за народ — ни на минуту нельзя одних оставить! В дальней комнате стоял черно-белый телевизор «Сигнал», стенка средней паршивости местной мебельной фабрики. До зала семейные страсти не докатились, ограничились спальней, возможно, кухней. Капитан выскочил на балкон, где уже находились оперативники. Визгун оказался ловким, несмотря на габариты, прыгнул не на землю (к сожалению), а по диагонали вниз — на балкон квартиры в соседнем подъезде. Под гул собравшейся во дворе толпы переваливался через перила. Балкон был пустой, места хватало. Визгун обернулся, показал прокуренные зубы. Разум в голову, похоже, не возвращался.

— Визгун, стой, стрелять будем! — выкрикнул Островой. — Не отягощай, ты уже достаточно накуролесил!

— Леха, разреши шмальнуть? — взмолился Шабанов. — Он же не мишень, а загляденье! Ну давай, не насмерть — в ногу...

Милиционеры, стоящие внизу, сообразили — действительно, сколько можно изображать зрителей? Двое бросились в подъезд.

Разин на глазок оценил расстояние — не понравилось. Преступник был на кураже, об опасности не думал.

— Отставить! Упырь не вооружен, замаемся потом отписываться. Так возьмем.

Визгун тряхнул балконную дверь, выломал шпингалет и вторгся в квартиру. Донесся женский вопль. И там баба! Картинку можно представить — чудище с воспаленными глазами, в трусах и тельняшке! Все это смахивало на преступное бездействие.

Алексей бросился с балкона:

— За мной!

В спальне над пострадавшей возился участковый — давился рвотой, но что-то делал. «Скорая» еще не приехала — она не реактивная.

Алексей скатился по ступеням, отбросил подъездную дверь — лязгнула пружина. Шабанов наступал на пятки, перехватил ее, иначе огреб бы по лбу. Алексей влетел в соседний подъезд, запрыгал через ступени. На площадке третьего этажа мялись милиционеры. За дверью снова голосила женщина. Дежавю какое-то...

— Мужики, выносите дверь — под мою ответственность. Считайте это приказом...

Вынесли исправно — в две ноги. Дверь легла, оторвавшись от петель. По ней ворвались в квартиру. Данное жилище было просторнее предыдущего и обставлено лучше: цветной телевизор в гостиной — львовский «Кварц»; стенка — вроде даже импортная, пол устилал ворсистый ковер ручной работы.

В квартире до появления Визгуна находилась только квартироръемщица. Смертельно испуган-

ная, она заперлась в ванной, подавала оттуда сигналы бедствия. Возможно, преступник планировал взять ее в заложницы, чтобы вырваться. Куда он, интересно, собрался в одних трусах?

Отчаянный вопль огласил прихожую. Визгун двинулся в рукопашную, мелькнул здоровенный кулак. Капитан Разин оказался на острие атаки, ударил плечом в корпус, как обучали на занятиях по рукопашному бою, погрузил свой кулак в рыхлый живот. Развивая успех, вывернул руку — преступник взвыл от боли, скорчился. Подбежавший сержант ударил ногой в живот, дал по загривку сцепленными в замок кулаками. Не удержался и Шабанов — пнул подонка по ноге, потом еще раз — и совершенно не хотелось его останавливать.

— Эй, гражданка, выходите! — Островой ударил по двери в ванную комнату. — Это милиция, опасность миновала!

Но гражданка не спешила выходить, хотя и притихла. Во дворе слышалась сирена — прибыла «Скорая».

Милиционеры вытащили сникшего Визгуна во двор. Руки преступника сковали наручниками. Водитель милицейской машины распахнул зарешеченный отсек. Визгун тяжело дышал, был бледен как смерть.

— Ну, ты debil, — покачал головой Шабанов. — Кукушка полетела, приятель? Хоть сейчас соображаешь, что натворил?

Визгуна стали загружать в машину — он начал упираться, хрипел, чтобы его отвели к его Наденьке, он должен быть рядом. Он ни в чем не виноват, потому что не помнит, что делал! Он законопослушный член общества! На этих словах Шабанов отвесил ему оплеуху, схватил за шиворот и затолкал в машину. Брезгливо вытер руки о штаны, проворчал:

— Вот же мразь. Уже не выйдет, пусть даже не надеется...

Задержанный выл как волк на луну, просил проявить снисхождение, дать возможность вернуться к семье. Твердил без умолка: «Наденька моя, Варюша моя...» — и от этого становилось тошно до предела.

Машина ушла, Алексей облегченно вздохнул. Медики вынесли из квартиры на носилках пострадавшую, погрузили в салон. С головой не укрыли, значит, жива. Водитель включил сирену, и «Скорая» подалась со двора.

Часы показывали начало седьмого. Вечер по-прежнему был тихим и томным. Под кустами шушукались жильцы — тема для обсуждения была значительной. Прибыла старая, но хорошо сохранившаяся «Волга ГАЗ-21», вышли двое представительных мужчин с чемоданчиками.

— Мое почтение неутомимым труженикам, — приветствовал оперов старший эксперт-криминалист Борис Давыдович Колкер — мужчина полностью седой и без двух минут пенсионер. — И что вы на сей раз натворили, молодые люди?

— Мы натворили? — на всякий случай уточнил Островой.

— А я что сказал? — эксперт простодушно хохотнул. — Ведите, друзья мои, говорите и показывайте...

Освободились лишь к семи вечера, устали как собаки, настроение было траурное. Криминалисты жались — ладно, ступайте, закончим без вас. Соседка снизу забрала девочку, пообещав связаться утром с социальными работниками. Малышка шмыгала носом, утирала глаза кулачками. Прибыл слесарь из ЖЭУ (пока еще трезвый), угрюмо устался на выломанную дверь 25-й квартиры. В ней зияла дыра размером с Ленинский район. Потом исследовал вторую дверь, в 27-ю квартиру, где дыра была чуть меньше. Перебрался в соседний подъезд, оценил тамошние разрушения. Вернулся огорченный, с укором устался на милиционеров.

— Ну а что? — немного смутился Шабанов. — Милицейские будни, дядя. Слушай, Леха, а нам за это ничего не будет?

— Я тебе не Леха, — огрызнулся Алексей.

— А кто? — удивился подчиненный.

— Сегодня — Алексей Егорович, желательно шепотом. Как вариант — «товарищ капитан».

— Плохи дела, — резюмировал Островой. — Потеряем премию, уйму времени на сочинение объяснительных... А в чем мы виноваты-то? Под огнем, можно сказать, работали.

По телефону в 25-й квартире Разин позвонил в 3-ю клиническую больницу, куда увезли потерпевшую. Больная на операции. Пока жива, но потеряла много крови. Исход неясен. Вторую руку пришлось ампутировать — ввиду полной невозможности ее сохранить. В данный момент находится без сознания.

— Какой же урод... — шипел Островой. — В голове не укладывается... Нет, бывает, конечно, что по ревности просто убивают, но чтобы вот так... — он замолчал, решив не продолжать.

— А ты бы, Мишка, что сделал, если бы Юлька тебе изменила? — с подковыркой спросил Шабанов.

— Дал бы тебе в морду, — разозлился Михаил. — А потом... — задумался, начал бледнеть.

— Достаточно, — перебил Разин. — Начнем воспринимать чужую боль — выродимся как работники. В общем, дуйте домой и на всякий случай сидите на телефонах. А я поставлю «рафик» и отмечусь в отделе, надеюсь, не задержусь. Пятница как-никак.

— Уверены, товарищ капитан? — осторожно спросил Островой. Глаза у парня зажглись. Принял физкультурную стойку Шабанов.

— Проваливайте, — поморщился Алексей. — Пока не передумал.

Одиннадцать лет назад союзное Министерство охраны общественного порядка переименовали в Министерство внутренних дел. Те же действия

провели с республиканскими министерствами. В то же время советские милиционеры получили дополнительный выходной — субботу. Не всегда везло с этим днем, но случалось всякое. Могли вкалывать без выходных и праздников, ночевать на работе, забывать, как выглядят домашние. Но подобная практика, слава богу (и, конечно же, партии), отходила в прошлое. Бессменный с 1966 года министр Щелоков всеми правдами и неправдами поднимал престиж советской милиции. Отчасти удавалось, отчасти нет. Чиновники понимали — только отдохнувший работник может стать образцовым милиционером.

Через двадцать минут Алексей добрался до райотдела. Пятница чувствовалась и здесь — работников в здании заметно ubyло. У оставшихся наблюдалось приподнятое настроение. У кого-то дача на носу, у других — рыбалка, ремонт, беготня по базарам... Протопали по коридору заступающие в наряд сотрудники патрульной службы — закончился инструктаж у начальства. У этих оснований радоваться не было, но работа есть работа.

В отделе было как в продуктовом магазине — шаром покати, все разбежались. Впрочем, начальник отдела майор Варламов еще не покинул свой пост — выглянул из-за распахнутой дверцы шкафа. Он рылся в бумагах, часть папок валялась на полу. Поднимать их Виктор Павлович не спешил — уборщица поднимет, не такие уж секреты. Прикрыл дверцу, направился к столу, вывалил на него стоп-

ку бумаг. Пылевое облако взметнулось к потолку, но майор успел отклониться.

— Нарисовался, не сотрешь, — проворчал он, опускаясь на стул. — Что с лицом, Алексей? Чувство вины, или как это называется?

— Есть немного, Виктор Павлович, — согласился Разин, направляясь к своему столу, где царил относительный порядок. — Домой, я гляжу, не рветесь?

— Какое тут домой, — отмахнулся Варламов, — судьба моя такая — разгребать после вас. Наделаете — а кто выпутываться будет?

— Вы сейчас о чем?

— А то ты не догадался? — Варламов устремил на подчиненного тяжелый взгляд. Особой вредностью Виктор Павлович не отличался, самодурство не практиковал, но спросить мог жестко. Жилистый, рослый, с массивной угловатой челюстью и фактически седой головой — в прошлом месяце он отметил 58-летие. Бодрился, молодился, о заслуженном отдыхе даже не помышлял, но чувствовалось — устал человек. Да и партбилет в кармане невероятно давил.

— Доложили уже о ваших успехах, — проворчал майор, делая недовольное лицо. — Почему вы оказались на Станиславском жилмассиве? В вашу задачу входило прибрать Мокрого, доставить в обезьянник и с чувством выполненного долга разъехаться по домам. Решили вкусить трудности патрульно-постовой службы? Так это у нас легко — только попросите.

— Мимо ехали, Виктор Павлович, — Алексей соорстил покаянную мину. — По рации передали...

— Стреляли? — съязвил Варламов, копируя Саида из «Белого солнца пустыни». — Ваше служебное рвение — да на прямые бы обязанности...

— Этот урод Визгун своей жене руки отрубил, — проворчал Разин. — Только не язвите, товарищ майор, что заслужила. Никто такого не заслуживает. Как же ей жить теперь?

— Может, и не придется, — Варламов поморщился. — Пять минут назад сообщили из больницы: Надежда Васильевна Визгун пребывает в крайне тяжелом состоянии. Критическая потеря крови. Ночь может не пережить. Случай действительно вопиющий, — Варламов почесал карандашом ухо. — Семейное насилие — наш бич, хотя и пережиток старины глубокой, — поспешил он добавить. — Всякое бывает — избивают мужья своих жен, порой жизни лишают, о чем потом искренне жалеют. Но чтобы вот так — руки топором... Интересно, что его надоумило?

— Можем спросить, — осторожно заметил Алексей.

— Да, обязательно спросим. Ладно, Алексей, что сделано, то сделано. Вы, по крайней мере, не мялись под дверью, как остальные. Благодаря вам пострадавшая еще жива, а Визгун не бегаёт по городу с окровавленным топором. Что с Мокрецовым? Насколько я знаю, в следственном изоляторе арестанта с такой фамилией нет.